

Расплата

Когда Ци Сюй добрался до места, Хэ Цзиня еще не было. Это лишь усилило его раздражение: заставить себя ждать было верхом неблаговоспитанности.

Он замер в павильоне Цзяньшуй, глядя на низвергающийся впереди поток. Вода, ударяясь о выступающий из скалы валун, разделялась надвое, отчего это место и прозвали «Павильоном, рассекающим воду».

— Ци Сюй! Что ты задумал на этот раз? — раздался яростный выкрик.

Хэ Цзинь, едва появившись, не стал скрывать гнева — здесь их никто не мог подслушать.

— Что я задумал? — Ци Сюй обернулся, более не заботясь о маске добродетели. — Это я хотел спросить, что замышляешь ты! Уж не вздумал ли ты предать меня? Иначе почему не явился на вчерашнюю встречу?

— Хм, раз уж ты вспомнил про вчера, — собеседник шагнул ближе, — не желаешь ли объяснить, почему выбрал местом свидания павильон Вэньчан, где наставник как раз собирался читать лекцию? Лишь благодаря моей осторожности я не угодил в твою ловушку!

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь! — юноша на мгновение растерялся. — Павильон Вэньчан? Кто в здравом уме пойдет в ту глухомань среди ночи?

— О, продолжаешь притворяться? — Хэ Цзинь зло прищурился. — Думаешь, я всё еще тот дурак, которого можно водить за нос? Не знаю, что ты хотел сказать мне вчера, но раз уж я здесь сегодня — выкладывай всё без утайки!

Ци Сюй заставил себя подавить вспышку ярости. Сейчас важнее было успокоить соучастника, а уж счет он предъявит позже.

— Успокойся. Я понимаю, что ты затаил обиду из-за событий последних дней, но у меня не было выбора. Ты ведь знаешь, как хитер этот Чу Цы. Если бы Сюй Цзянь тогда выдал меня, мы бы оба пошли ко дну!

— Оба? — Хэ Цзинь горько усмехнулся. — Боюсь, ко дну пошли бы только мы. Ты ведь с самого начала планировал сделать нас козлами отпущения, не так ли?

— Если бы я хотел подставить тебя, разве стал бы сейчас тратить время на оправдания? Не позволяй Чу Цы затуманить твой разум. Когда шум вокруг дела Сюй Цзяня утихнет, мы

затаимся и подождем удобного случая, чтобы окончательно извести этого выскочку... — Ци Сюй старался говорить мягко, убеждая сообщника, что опасность почти миновала.

— Ты знаешь, что Ху Маоцзя выпустили на свободу? — внезапно прервал его Хэ Цзинь.

— Что? Невозможно, мои люди не спускали с него глаз! — выпалил юноша и, наткнувшись на торжествующий взгляд оппонента, понял, что выдал себя. — Ты... ты обманул меня?

— И что именно я выведаль обманом? — теперь, когда подозрения подтвердились, Хэ Цзинь обрел пугающее спокойствие. — Выходит, ты с самого начала использовал меня, чтобы убирать со своего пути неугодных? Теперь мне всё ясно. Раньше я гадал: как я, обычный ученик, пусть и не бедный, мог так легко отыскать этого Ху Маоцзя и уговорить его на сделку? Оказывается, ты стоял за моей спиной и дергал за ниточки. А я-то, дурак, мнил, будто действую втайне от тебя, боялся, что ты осудишь мои грязные методы и отвернешься от меня!

— Я не понимаю, о чем ты, — на губах Ци Сюя заиграла недобрая усмешка.

— Конечно, ведь тебе и не нужно было ничего понимать. Тебе достаточно было лишь бросить на кого-то недовольный взгляд, и я уже бежал травить Чу Цы. Тебе стоило лишь притвориться больным, и я, не раздумывая, бросался обвинять его в обмане на экзаменах. Ты просто пожинал плоды моих трудов, оставаясь в стороне — чистым и непорочным «благородным мужем».

Хэ Цзинь почти сорвался на крик, его глаза налились кровью.

— Неужто ты думал, что я не видел, какими мерзкими глазами ты на меня смотришь? — Ци Сюй рассмеялся холодным, режущим слух смехом. — Если бы ты не был мне полезен, я бы давно выколол тебе зенки и вышвырнул вон из училища!

Обнажив свою истинную суть, он стал подобен ядовитой змее — пестрой, опасной, с гордо вскинутой головой и ледяным жалом.

— Если бы все те, кто восхищается тобой, увидели тебя сейчас... — Хэ Цзинь смотрел на него с нескрываемым разочарованием. Его многолетняя привязанность к «холодному лотосу» в одночасье обернулась встречей с ядовитым грибом, выросшим в темной чаще.

— Да плевать мне на этих идиотов! — Ци Сюй окончательно сбросил личину. — Думаешь, мне нравится торчать в этой дыре? Если бы я не подслушал у кабинета главы академии, что в этом месяце лучшего ученика зачислят сразу в окружное училище, я бы не стал так торопиться! Но вы... вы, никчемные отбросы, провалили всё, за что брались!

Он чувствовал небывалое облегчение. Столько лет притворяться, терпеть общество этих ничтожеств — его терпение было на исходе!

— Хорошо. Раз ты так считаешь, знай: если за мной придут, ты пойдешь следом!

— Хе-хе... Ты и впрямь думаешь, что отсюда есть выход? — юноша сделал знак рукой. — Ты так глуп, Хэ Цзинь. Сам назначил встречу в павильоне Цзяньшуй — месте, где почти не бывает людей. Если ты вдруг оступишься и упадешь в водопад, кто знает, когда тебя найдут? Ах да, в твоей комнате обнаружат тетрадь с чистосердечным признанием. Даже если ты подохнешь, тебя лишат звания сюэя и заруют в землю как последнего простолюдина. Справедливо, не находишь? Я начал обдумывать это с того самого момента, как ты возомнил, что можешь меня предать.

Хэ Цзинь задрожал всем телом, глядя, как из-за камней за спиной Ци Сюя медленно выходит рослый Чжу Цзе.

— Брат Чжу... опомнись... Убийство — это тяжкое преступление! Зачем ты губишь свою жизнь ради него? Неужто не боишься кары?

Чжу Цзе молчал. У него не было выбора с того самого дня, как он, защищая мать, разможил камнем голову какому-то подлецу и был тайно принят в поместье Ци.

Хэ Цзинь пятился, пока не уперся спиной в перила, а Чжу Цзе неумолимо приближался. Не выдержав, несчастный закричал, взывая о помощи.

Ци Сюй холодно наблюдал за этой сценой. У его деда, старого господина Ци, было восемь сыновей и восемнадцать внуков. Почему лишь он один удостоился милости главы рода? Потому что только он унаследовал ту истинную беспощадность, что текла в их жилах.

— Прекратите это немедленно!

Когда пальцы Чжу Цзе уже сомкнулись на горле Хэ Цзиня, готовые погрузить его голову в ледяную воду, раздался громовой голос, полный ярости и неверия.

Из-за скал, окружавших водопад, медленно вышла целая процессия. Глава академии Кун, наставники и учителя смотрели на Ци Сюя с таким отвращением, словно случайно проглотили жирную муху.

Виновник замер. Чжу Цзе и Хэ Цзинь тоже оцепенели. Воспользовавшись замешательством противника, Хэ Цзинь вырвался и, бросившись к ногам главы академии, зарыдал в голос:

— Учитель, спасите! Они хотели убить меня! Убить!

Ци Сюй, кажется, начал понимать:

— Так это была ловушка... Ты заранее всё подстроил. Не думал я, что проиграю тебе, Хэ Цзинь! Нужно было насторожиться еще вчера, когда ты не пришел...

— О чем ты болтаешь?! — вскричал Хэ Цзинь. — Это ты угрожал моей семье и заманил меня сюда, чтобы лишить жизни!

Эти слова заставили Ци Сюя содрогнуться. В одно мгновение все события последних дней сложились в единую картину. Они с соучастником оказались лишь марионетками в руках невидимого кукловода, разыгравшими эту постыдную пьесу.

Глава академии Кун произнес с глубокой горечью:

— Мы пришли сюда полюбоваться пионами. Когда мы слышали ваши голоса, то хотели уйти, дабы не подслушивать чужих тайн. Но то, что вы начали говорить... я и представить не мог, что в стенах нашего училища пригрелись такие змеи!

Он перевел взгляд на Ци Сюя:

— Тебе, вероятно, было невдомек, но твое имя уже было утверждено для перевода в окружное училище. Чу Цы и Чэнь Цзыфан сами отказались от этого места. Кто бы мог подумать, что ты пойдешь на такие злодеяния ради того, что и так принадлежало тебе по праву?

— Мне не нужны их обедки! — выплюнул Ци Сюй. — Всё, чего я хотел, я всегда брал сам!

— Хм, если бы ты добивался своего усердным учением, никто бы слова не сказал, — подал голос учитель Цинь. — Но твои методы вызывают лишь омерзение.

Он вспомнил признания этих двоих об интригах на провинциальных экзаменах, и гнев едва не перехватил ему дыхание.

— Теперь ты понимаешь, почему я в свое время отказался брать тебя в ученики? Твое непомерное тщеславие и гордыня были написаны у тебя на лбу. Я советовал твоему деду, что тебе не стоит изучать «Ши цзин», но он настоял на своем. В итоге ты выучился лишь притворству — золотая отделка снаружи и гниль внутри!

— Да что вы знаете?! — в исступлении закричал Ци Сюй. — Разве у меня был выбор? Если бы я не боролся за каждое преимущество, я бы сгнил в задних дворах поместья Ци!

— Твои беды не дают тебе права губить чужие жизни. Ваши распри друг с другом — ваше дело, но чем провинился Чу Цы и другие ученики, которых вы превратили в ступени для своего восхождения? Довольно слов. Ждите решения Великого наставника.

Из укрытия вышли другие наставники, ведя за собой стражу училища. Всех троих взяли под стражу, чтобы немедленно отправить в область Ганьчжоу на суд инспектора по образованию. Поскольку они обладали званиями сюцаев, уездный начальник Ян не имел права судить их, пока Его Превосходительство не лишит их ученой степени.

— Брат Синьжань, ты... — глава Кун со странным выражением посмотрел на учителя Циня.

— В чем дело, учитель? — с улыбкой отозвался Цинь Линцин.

— Ни в чем...

Прошло три дня с тех пор, как обвиняемых доставили в область Ганьчжоу. И вот в управу уезда Юаньшань прибыл гонец с предписанием особой важности.

Уездный начальник Ян, ознакомившись с письмом, тут же велел готовить публичные объявления. Вскоре на городских стенах и у ворот появились свитки с красными печатями управы.

— Что там написано? Прочти-ка нам, мил человек! — загалдел народ.

Грамотный горожанин начал читать вслух:

— «Ученик уездного училища, уроженец городка Чанхэ Ци Сюй, вступив в сговор с Чжу Цзе, совершил покушение на убийство. Также уличен в коварных интригах против сокурсников и иных тяжких деяниях. Сим указом лишается звания сюцая и приговаривается к клеймению и ссылке на три тысячи ли.

Ученик Хэ Цзинь, уроженец городка Фэнтянь, уличен в ложном доносе на провинциальных экзаменах. Сим указом лишается звания сюцая и отправляется в родной уезд для дальнейшего разбирательства.

Ученик Сюй Цзянь, уроженец городка Чанхэ, пренебрег наставлениями мудрецов и предался пороку. Сим указом лишается звания сюцая и отстраняется от сдачи государственных экзаменов сроком на десять лет».

Толпа взорвалась криками возмущения. Уездное училище считалось лучшим в крае, и если его ученики ведут себя подобным образом, то на что надеяться простым людям?

Среди собравшихся нашлись и те, кто учился в других заведениях — они принялись поносить академию Лунчан, превознося свои школы.

Но тут один из стариков возразил:

— Что вы мелете? Неужто забыли, как в конце марта ученику того самого училища пожаловали табличку «Добродетельный и честный»? Со дня основания нашей династии в уезде Юаньшань никто не достаивался такой чести! Разве это не доказывает величие училища? Очернять всё заведение из-за горстки паршивых овец — дело несправедливое и недостойное.

Этот довод заставил крикунов прикусить языки.

В это же время у стола для записи рекрутов двое дюжих молодцев с таким плотоядным интересом разглядывали проходивших мимо крепких мужчин, что те невольно ускорили шаг, ощущая странный холодок в спине.

<http://bllate.org/book/15354/1436191>